У меня своя Колыма

Поселок Ягодное. Из архива Н.Чижовой.

Да разве мы, дети пятидесятых, знали, в каком страшном месте живём? Что от одного только слова Колыма, люди, живущие в центральных районах страны, замирают от страха. Что это слово стало синонимом каторги, «территорией кошмаров», «русским Освенцимом без печей», «тюрьмой народов» и т.п. Нет, конечно, ничего этого мы не знали. Мы росли, делали первые шаги, а потом шаг за шагом познавали окружающий нас мир. И мир этот был удивительным и прекрасным. И, конечно же, родители наши знали об истории этих мест, но, видимо, берегли наши детские, неокрепшие души и не рассказывали нам о тех страшных событиях. И хотя та или иная история нет – нет, да и всплывала на поверхность, всё это казалось «преданием старины глубокой» и никак не отражалось на нашем счастливом детстве.

Вот и получилось, что для поколения наших родителей это место было тюрьмой, а для нас, детей, «лучшим местом на Земле». Парадокс, но «из песни слов не выкинешь», так и было.

И пока мы росли, до конца пятидесятых годов по центральной улице поселка, которая так и называлась Центральной, постоянно проходили колонны заключенных, конвоируемые вооруженными охранниками. Мы смотрели на них без страха. Отец объяснил мне, что эти люди когда- то совершили плохие поступки и за это их наказали и посадили в лагерь. Теперь они исправились, и скоро их отпустят на свободу. Наверно, это было правильное объяснение для ребенка, понимания и правда пришли гораздо позже, а в то время такой ответ все расставил по местам.

Поселок Ягодное. ОЛП.

В поселке находился лагерь строителей, которые строили Колымскую трассу и сам посёлок. К концу пятидесятых годов его расформировали. Не стало в поселке ни заключенных, ни военных, остались только непонятные названия, которые обозначали тот или иной адрес. Посёлок ВСО, ОЛП. Только спустя много лет узнала, что ВСО – это военизированный стрелковый отряд, а ОЛП – особый лагерный пункт, там же была комендатура, от которой осталось название улицы Комендантская.

Поселок Ягодное. Улица Комендантская.

В моём детском сознании сложилось впечатление, что зэки люди совсем нестрашные и хорошие. Так как однажды летом, когда я стояла на обочине дороги и разглядывала проходящую колонну, один из заключенных наклонился ко мне, улыбнулся и протянул большой букет Иван-чая, аккуратно завязанный и подрезанный. А я еще долго удивленно смотрела вслед удаляющейся в клубах пыли колонне, прижав к груди неожиданный подарок.

Поселок Ягодное. Начало 70-х.

Поселок Ягодное. Начало 70-х годов.

Посёлок наш Ягодное, был центром богатого, золотодобывающего района и был построен вдоль Колымской трассы в долине реки Дебин, притока реки Колымы. В него же впадала небольшая речушка Ягоднинка, причудливо петляющая по равнине, выписывающая всевозможные вензеля на карте посёлка и разделяющая его на две части. Летом обе реки мелели, а весной и в период дождей становились грозными, неуправляемыми потоками, смывающими всё на своём пути.

Река Ягоднинка.

Со всех сторон он был окружен высокими сопками. Сопки – это те же горы, но пологие и с округлыми вершинами. Где бы ты не находился и в какую бы сторону не смотрел со всех сторон увидишь сопки. В детстве очень хотелось узнать, что же там за ними. Покорять их я начала довольно рано, еще перед школой. Очень уж мне хотелось посмотреть, что за башмаки стоят на верхушках двух лиственниц, которые росли почти у самой вершины Больничной сопки.

Поселок Ягодное. Больничная сопка. 1973 год.

А когда забралась, то оказалось, что за этими сопками стоят другие сопки и они, как каменные волны, в каменном море и нет им конца, и уходят они за горизонт. И где-то далеко-далеко, на сопке за Дебином виднелись семь высоких столбов – останцев, как семеро братьев. А на лиственнице не было никаких башмаков. Это суровый северный ветер так причудливо закрутил ветки на верхушке.

Сам посёлок был похож скорее на небольшой, но уютный городок. В центре строители сохранили большой участок тайги, который позднее был превращен в красивый парк, вход в который охраняла семья могучих, белоснежных львов, очень любимых детворой. Улицы тянулись ровными рядами. Когда место в долине было застроено, дома стали «взбираться» на гору. Так появилось четыре Нагорных улицы.

Главным украшением поселка был огромный Дом культуры, построенный стиле сталинского ампира, с шестью круглыми, белыми колоннами по фасаду

и прямоугольными пилястрами между окнами по всему периметру здания. Говорили, что наш ДК самый красивый на трассе. В нем были прекрасная библиотека, комната развития детского творчества, работал народный театр и др. Большой деревянный, двухэтажный универмаг с четырехугольными колоннами по краям здания и причудливыми балюстрадами по фасаду крыши и помосту первого этажа в центре поселка тоже являлся его украшением.

В поселке было всё, что необходимо для жизни людей. На современном языке это звучит, как хорошо развитая инфраструктура. А, если сказать проще, то в нём были: котельные, школы, детские сады, ясли, больницы, магазины, столовые, баня, пекарня, ремонтный завод, пищекомбинат, подсобное хозяйство, горное управление, сберкасса, стадион и многое другое.

Поселок Ягодное. Дом культуры. Из архива Н.Чижовой.

Но всё же это Крайний Север и главная его отличительная черта – это холод, бесконечная, суровая зима и очень короткое, чаще холодное лето. Наверно, поэтому чаще вспоминается зима, сорока и пятидесятиградусные морозы, зимние туманы, снегопады и необыкновенно звёздное небо. Там, на Колыме, звезды удивительно яркие и, кажется, что они намного ближе к земле, чем на «материке». А ковш Большой Медведицы всегда светил прямо над нашим ДК
Первый снег выпадал в начале сентября, а в начале мая еще катались н

лыжах. Снег мог выпасть и в июле, такое бывало. А на верхушках сопок он лежал всё лето.

Посёлок Ягодное. Снежные забавы. Из архива Н.Чижовой.

Несмотря на сильные зимние морозы, занятия в школах никогда не отменяли, а прогулки и игры на улице дети сами не прекращали и, конечно же, частенько перегуливали до такой степени, что бежали домой, когда уже не было мочи терпеть боль в замерших ногах. Отогревались дома в тазиках с теплой водой, а на следующий день повторялось то же самое, но до обморожения дело не доходило. Мы с детства росли закалёнными и холода не боялись.

Короткое колымское лето, словно в оправдание за холодную зиму, баловало изобилием ягод, грибов, шишек и белыми ночами. Вот уж чудо из чудес. Солнца нет, а всю ночь светло, как днём. А какой яркой, красочной палитрой окрашивало оно окрестности и каким богатым урожаем баловало. Здесь и изумрудный, разлапистый, кедровый стланик, зимой прижимавшийся к сопке, а с приходом тепла, выпрямляющийся, и пурпурная брусника на каменистых склонах, и нежная, словно заиндевевшая голубика в низинах, и болотный янтарь – рыжая, необыкновенного вкуса морошка, и черные бусины шикши, и черная, и красная смородина в распадках, и разноцветные мхи, и скользкие в бурых шляпках маслята, и подосиновики в красных, а подберезовики в серых шапках. А для охотников какое раздолье: и рыба, дичь, и зверьё. Всё в изобилии. А еще чистые, ледяные родники

необыкновенно вкусной водой. А когда зацветал Иван – чай, то сопки покрывались красно – розовой скатертью, от его буйного цветения.

Поселок Ягодное. Карусель в поселковом парке. 1956-1957 год.

Только иное лето и жаркими днями побалует, а иное, как задождит, так и не перестает несколько недель. И тучи порой так низко опускались, что казалось, что скоро на землю упадут. Нигде больше я таких низких туч не видела. А уж комаров, мошки, слепней просто тучи. Когда детей отправляли в местные пионерские лагеря, то обязательным условием было наличие накомарника – шляпы с сеткой. Вода в наших речках и озерках была ледяная. Да и какой ей быть, если до вечной мерзлоты всего один метр. Но все равно купались и взрослые и дети, как только выдавался солнечный денек.

Наверно, главное отличие Колымы – это люди. О том, что большинство из них бывшие заключенные, мы не знали. Знали, что они есть, но, сколько и кто, не знали. Думаю, что и дети бывших заключенных не все знали, что их родители отбывали срок. Эта тема вообще не обсуждалась. Много было бывших фронтовиков, кто-то приезжал на заработки, кто-то по распределению после окончания учебных заведений. Люди были разные, а вот взаимоотношения между людьми одинаковые. Они были добрососедские, дружелюбные. Взаимовыручка была нормой жизни.

Эльген. Деткомбинат. 1953 год.

Некоторые мои одноклассники и просто знакомые дети родились в совхозе Эльген. О том, что там выращивают овощи, знали все. Мы даже ездили в старших классах на уборку урожая. А вот о том, что там до 56 года был женский исправительный лагерь и детский дом, я узнала много лет спустя. И оказалось, что дети, рожденные там, с младенчества отбывали срок, до освобождения матерей.

Правда открывалась постепенно, понемногу, слегка сглаженная и не вся. Прошло много лет, пока она стала очевидной, пока о ней стало можно говорить.

Некоторые эпизоды той страшной правды, я узнала еще в детстве. В соседней квартире жила красивая тётя Шура, мамина подруга, высокая, статная, смешливая и добрая. Она частенько просила меня посидеть с ее маленькой дочкой, на что я соглашалась с удовольствием. И я не могла не заметить у неё на руке стравленную татуировку, а на ноге след от сильного ожога. Дети любопытны, и я не исключение. Я стала расспрашивать маму: «Неужели и тётя Шура сидела, за что, она такая хорошая?». И мама рассказала мне её историю.

Во время войны тетя Шура работала на заводе, ей было 17 лет. Работа была тяжелой, она сильно уставала и однажды решила отдохнуть и прогуляла один рабочий день. За прогул ей сразу дали срок и отправили на Колыму. На лесоповале оказалось еще тяжелее, да в придачу голод. Решила она попасть в

больницу, отлежаться. Достала где-то кислоты и плеснула на ногу. А ей объявили саботаж и добавили ещё к сроку 10 лет. Вот такая страшная арифметика. Сначала она попала в барак к блатным. Там ей наколку на руке и сделали, и стали в свою веру обращать. Но нашлась одна добрая женщина из политических, взяла ее под свою опёку. И она сказала Шуре: «Ты ещё такая молодая, красивая, у тебя вся жизнь впереди, не делай ты себе наколки, это же клеймо на всю жизнь». И, правда, после смерти Сталина, выпустили ее на свободу досрочно. Вышла замуж тётя Шура за хорошего человека, поволжского немца, дочку родила. Жили они дружно. Думаю, всё у них было хорошо, так как всегда она улыбалась, была весёлой, приветливой, а так бывает только у счастливых людей.

Жили в поселке два человека, судьба которых вызывала у меня большой интерес. Это была одна старушка и её сын. Наверно, старше ее не было в посёлке, было ей далеко за 80, но она еще работала в маминой конторе уборщицей. Была она маленького роста, сгорбленная, со светлыми глазами в бесконечных лучиках морщинок. Голова ее всегда была покрыта платочком. Звали её баба Дуня. Жила она рядом с домом моей подруги, недалеко от автовокзала. А перед ее домом был небольшой деревянный загончик, где летом паслись её курочки, с которыми она любила разговаривать. Я всегда, проходя мимо, останавливалась на нее посмотреть, потому что считала, что она похожа на мою бабушку, которая жила далеко и по которой я скучала. Это у меня игра такая была. Смотрю на бабу Дуню, а думаю, что это моя баба Паня. А та мне что-нибудь скажет хорошее, а я и рада. Соседские девочки часто к ней заходили. Рассказывали, что у неё в доме много кошек и икон. Когда она возвращалась домой, то целая стая кошек бежала ее встречать. Была она человеком верующим, а девочки в силу своего атеистического воспитания, пытались ее перевоспитать, но та только улыбалась и говорила, что они ещё малы и глупы, что и было на самом деле.

И был у бабы Дуни сын. Это я так думала, что сын, потому что он жил в её доме. Было ему лет пятьдесят, невысокий, худощавый, с бородой. Человек необычный, так как почти всё время ходил в рясе. Это было непонятно, в поселке не было никаких церквей, да и во всей Магаданской области не было. Я спросила маму: «Кто это?» Она ответила просто: «Батюшка». А больше про него она ничего не знала. Так и остался он в моей памяти как Батюшка.

Прошло много лет. Воистину «… нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы». Лк.8:17. Грянула перестройка и вместе с разрушением страны, стала открываться и страшная правда о ГУЛаге. Начались публикации в центральных журналах, вышли первые документальные фильмы на эт темы. Я увидела фильм «Колыма», а в нем нашего Батюшку. Показали, как он

служит панихиду на заброшенном кладбище и говорит о том, что верующему человеку легче было перенести неволю.

Прошло еще несколько лет и друзья прислали мне повесть нашего земляка «австрийского шпиона», бывшего сидельца Петера Деманта. Так через сорок лет я узнала имена бабы Дуни и Батюшки. Оказалось, что баба Дуня вовсе не баба Дуня, а по паспорту Елена Кузнецова и что она, вероятно, бывшая монашка и автор недоумевал, с чего вдруг её Дуней называли. Ну, а мне сразу ясно стало, что имя Евдокия ей дали при постриге в монашество, и с ним она и жила, а Елена её мирское имя. А еще я узнала, что баба Дуня была очень добрым, милосердным человеком. Десятки девушек и женщин, освободившихся из лагерей, находили у нее приют, пока не устраивались на работу.

А Батюшку звали Николай Цецура, был он сыном священника и сана в то время никакого не имел, и бабе Дуне родней не был. Отец его был репрессирован и погиб, а Николая сослали на Колыму, как сына священника. Срок свой он отбывал на Серпантинке – одном из самых страшных мест Колымы, где производились массовые расстрелы до 36 года, вплоть до ареста наркома Ежова. Говорят, что из бывших сидельцев лагеря в живых осталось только пять человек, он один из них. Об этом позорном пятне в истории ГУЛага до сих пор не сказали всей правды.

Серпантинку называют «лобным местом Колымы». Находилась она за поселком Хатыннах, где располагался лагерь. Серпантинка – это непосредственно место расстрелов. Людей расстреливали сотнями и тракторами сгребали в ранее выкопанные траншеи. Там погибли тысячи. Трудно поверить, понять невозможно.

Моя подруга Наташа родилась в этом поселке, когда эти события были позади. Там работали её вольнонаёмные родители. Её мама рассказывала, как она в начале пятидесятых годов пошла собирать ягоды в тот распадок, где раньше была Серпантинка. Сделав несколько шагов, она увидела множество человеческих костей, они были повсюду. Женщиной она была не робкого десятка, а тут ее такой ужас охватил, что она бросилась бежать без оглядки и больше никогда не приближалась к тому месту.

И вот здесь отбывал срок наш Батюшка. Как каждый день слышать выстрелы, знать, что там расстреливают людей, слышать рев тракторов, ждать, что скоро и тебя убьют и не сойти с ума, я не знаю. Знаю только, что когда он освободился, то одел рясу. Правда, одевал он ее после работы, работал он стекольщиком. Но в то время, время атеистической пропаганды, надеть рясу
это был поступок. Днем он работал, а в свободное время приводил в порядок

заброшенное кладбище заключенных. Поставил там часовенку в память архиепископа Сергия, крестил детей, отпевал умерших и сильно пил.

И вот, когда современные технологии позволили нам общаться с земляками в любой точке Земли с помощью интернета, я стала расспрашивать всех кто, что помнит о Николае Цецуре. Мнения у всех разные. Одни пишут о нем с теплотой и сочувствием, другие неуважительно.

Последний штрих к портрету Батюшки. В 1991 году на Серпантинке по инициативе поселкового общества «Поиск незаконно репрессированных» был заложен памятник. Памятник представляет собой двухметровую глыбу серого гранита с резким изломом очертаний в форме рабочей рукавицы, как бы возникающей из-под земли. И надпись на гранитной плите: «На этом месте в 30-х годах находилась следственная тюрьма Серпантинка. Здесь были казнены десятки тысяч репрессированных граждан, прах которых покоится в этой долине».

Открытие памятника состоялось 22 июня 1991 года. Обряд освящения памятника произвели епископ Магаданский и Камчатский Аркадий и протодьякон отец Николай (в миру Н.С. Цецура), житель Ягодного, который в 1930-1940-х годах также был узником сталинских лагерей. Водители – колымчане, проезжая мимо дают длинный гудок в память о погибших.

Пора заканчивать рассказ. Я выросла в суровом, но красивом краю. Я жила рядом с прекрасными людьми, зачастую не зная об их нелегкой судьбе и очень мало зная о трагической истории освоения колымского края. Но я люблю свою малую родину. Пройдет время и «всё тайное станет явным». Многое уже открылось, откроется и остальное. И не случайно, люди, оставшиеся в моей памяти на всю жизнь, оказались людьми верующими. Упокой, Господь, их души!

Автор статьи: Татьяна Шилова.

У меня своя Колыма: 14 комментариев

Людмила

04.02.2018 в 3:40 дп

Спасибо за вашу публикацию. Очень много нового мне открылось. А как красиво и с любовью описан поселок и сопки. Я уехала из Ягодного в 1992 году. Батюшка жил в то время в бараке по Металлистов и постоянно его можно было встретить в окружении собак. Человек этот все время хотел сказать что то доброе. Но вот воспринимали его как не от мира сего. А оказывается человек прожил такую жизнь. Спасибо

Вера

06.02.2018 в 11:20 пп

Я уехала из Я годного в 1971 году. Мне было 15 лет. Я ничего не знала о том ,что узнала много позже.Большое спасибо Татьяне Шиловой за такое интересное повествование о моём любимом посёлке. Я очень жалею ,что не знала всего о людях живших по соседству.как много познаётся со временем.

Татьяна

13.02.2018 в 3:46 пп

Простите, но более всего меня поразил ваш слог, стиль, хороший русский язык, что ныне встречается крайне редко. А по существу статьи хотела привести пример отношения родных и близких в факту родства с репрессированными.
Как-то, по просьбе родственника умершего коллеги стала разыскивать следы его родителей , которые долгое время не жили с детьми (умерший коллега был их младшим сыном, которого родители покинули через год после его рождения, оставив на дедушку и бабушку). Нашла их следы на странице Красноярского мемориала, писала, но ответа не получила и стала заниматься собственным расследованием. Выяснилось, что отец моего коллеги был священником в храме родного села и в 1930 г. вместе с женой и семьёй настоятеля храма по решению сельсовета был выселен в отдаленные районы страны как «антисоветский элемент». Родители репрессированного священника вместе с внуком уехали в другую область, где их никто не знал, позже туда же вернулись отбывшие срок их дети и бывший священник до конца своих дней плотничал. В доме никто и никогда не говорил о прошлом. Сын и его братья выросли в незнании скорбной страницы в жизни своих родителей. Мне коллега (сын репрессированного священника) рассказывал, что никогда в доме не слышал ни молитв, ни песнопений, но его всегда удивляло, что отец и мать прекрасно знали цикл православных праздников, хотя их и не отмечали. Дети выросли последовательно пионерами, комсомольцами и коммунистами, так и не узнав о реальной жизни своего отца и матери.

Когда я рассказала о своих результатах розыска вдове коллеги, она была шокирована и попросила никому из родных об этом не говорить. В свою очередь, я тоже была потрясена таким отношением к своей родне и боязни огласки, хотя на дворе стоял 2009 год. Из уважения к памяти своего коллеги, который сыграл большую роль в моём профессиональном становлении, я ничего не сообщила его детям и внукам и не указываю здесь ни его имени, ни его родных мест. Вот такой резонанс прошлого …

Любовь

03.06.2018 в 7:52 пп

Я тоже помню отца Николая, в 1995 году уехали он был еще жив. Рассказывали он упал на улице и собаки к нему врачей не подпускали. Так и умер. Видимо инфаркт был. Он очень добрый был. Светлая память батюшке!

Александр Артамошин

03.06.2018 в 11:43 пп

Рассказ прекрасный, я сразу вспомнил и свой приезд в п.Ягодное в 1976 году после окончания института. Работал 17 в ЯГРЭ. Хотел бы лишь добавить, что хорошо знал отца Николая, однажды целую ночь простоял на ногах, слушая его историю. Он тогда работал сторожем в строящемся здании нового Универмага. Я возвращался из гостей, на улице ни души, поэтому я и поздоровался с человеком, который шёл впереди меня. Он настолько увлёк меня повествованием, что я вошёл вслед за ним в помещение стройки. Там была полная пустота, лишь один ящик, на котором сидел отец Николай, а перед ним я. Делаю первую поправку, Николай был молодым монахом в г.Томске, а не сыном репрессированного священника. Вторая поправка, он никогда не сидел в лагере под названием Серпантинка, да и лагеря такого, по всей видимости, не было. Он сидел на прииске Берзина. Долго мне рассказывал про то, как он был в этом лагере, про бригаду Потураева, которую расстреляли пьяные сотрудники Гаранина, когда он приехал в лагерь с инспекцией. Николай не работал в забое, т.к. он от природы был тщедушным, не способным к тяжёлому труду на промывке песков. Его работа в лагере была истопником. Он топил палатки, где жили заключённые, а также отапливал здания, где жила обслуга лагеря. Рассказывал, что однажды даже застал начальника прииска в постели с женой одного из его подчинённых. Говорит, я так растерялся и не знал, что сказать, поэтому сказал, Бог в Помощь! Меня поражала его память, он помнил все имена не только заключённых, но и всех начальников по имени-отчеству! Естественно, записей я не вёл, поэтому моя памяти практически ничего из нашего разговора не сохранила. Ещё решусь

поправить автора, чтобы избавить рассказ от мифов и сплетен в отношении Серпантинки. Я сам присутствовал на церемонии открытия мемориального камня, если поискать, то и на фото можно меня найти. Однако, некоторое время позже, мы попытались найти эти мифические захоронения на местности. С нами была съёмочная группа Магаданского телевидения, мы прошли весь распадок от камня и до самого водораздела. Ничего, что могло было быть похожим на захоронения мы там не нашли! Я считаю, что эти росказни про "штрафной лагерь", про Серпантинку – "расстрельный лагерь", это всё перестроечная мифология! Сами посудите, на каждый прииск отпускался ПЛАН по золоту. Разбейся в лепёшку, а намой! Поэтому ни одному начальнику прииска невыгодно было уничтожать рабсилу! Если он всех, чья рожа ему не нравится, перестреляет, кто тогда будет золото добывать? Да и зачем везти так далеко человека, тратить деньги на его доставку на Колыму, лишь для того, чтобы там лишить его жизни? Ведь проще простого, застрелить его на материке! Да и цифрами баснословными расстрелянных тоже там наворочано будь здоров! Предположим, что такие факты были и даже допустим, что расстрелы были! Называется цифра 40 000 человек! Если это количество людей расстрелять, даже не одновременно, а постепенно, то весь распадок наполнится костями до самых краёв! Поэтому я считаю, что все эти страшные рассказы о Серпантинке всего лишь перестроечной мифологией, страшилками! А так рассказ, просто чудо!

владимир

11.06.2018 в 3:25 пп

Моя мать- Новикова Анна Васильевна отбывала срок на Эльгене. Отчим-Элькин Исай Михайлович,осуждённый по 58 ст. на 15лет лагерей и 5 лет поражения в правах,был мастером на строительстве нового ДК,перестраивал старый ДК в универмаг,строил э.подстанцию,изотермические склады,интернат за Ягоднинкой.Начальником участка строил дома на Садовой в Ягодном и по приискам,которые сейчас уже не существуют. Всё в разрухе,судя по фото. Я в Ягодном учился с 1-го по 10 кл.(1954г.-1964г.) Все стройки,огороженные заборами и вышками,и самих ЗК в Ягодном видел своими глазами,кладбище ЗК за ОЛПом. С родителей при освобождении брали подписку о неразглашении увиденного,да и берегли нас от этого кошмара. Со временем я сам стал интересоваться историей сталинской Колымы и вот попал на эти заметки.

Олеся

07.01.2022 в 5:42 пп

Моя мама родилась в Магадане в 1947 г. Где именно не знаю. Маскина Галина Ивановна. И дядя мой Маскин Василий Иванович тоже родился в Магадане, но как сказали в ЗАГСе , что он родился на трассе. Может подскажите, что значит на трассе? Как моя мама говорила, помнит тетю , она работала заведующей в столовой.

Андрей

22.03.2022 в 6:05 дп

Здравствуйте. Случайно не были ли вы знакомы с семьёй Бардуковых? Они тоже жили в Ягодном.

ВЛАД

21.03.2019 в 3:52 дп

Странным образом, но копию расписки о неразглашении я видел у своего отца когда он был еще жив. Отец говорил, что он получил ее вместе с свидетельством о реабилитации.

Влапдимир

06.02.2020 в 7:40 дп

https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=698 Судил Мишу и Сеню Военный трибунал. Это было в августе или сентябре 1952 года. Председатель — Житенко. Прокурор — Тетерин. Секретари — Полина Викторова и Нина Шугаева. Статья 58.10-11. Свидетелями обвинения были два человека. Первый — Анатолий Стельмах. Он появился в Ягодном в начале 1952 года, выдавал себя за брата, освободившегося из лагеря, но по его виду и по его рукам было ясно, что в забое он не был. И об Евангелии имел смутное представление. Верующие насторожились. Он часто приходил к нам, когда мы после работы торопились в магазин. А он с удовольствием оставался один в комнате. И вдруг у нас исчезла фотопленка (фотографировались на Рождество у Водолажских). Эта пленка фигурировала на суде в качестве вещественного доказательства: «Вот они, собираются нелегально». Стельмах лжесвидетельствовал: «Они ругают советскую власть, хвалят Америку. (Кстати, о других странах мы десятилетиями ничего не слыхали. Они были для нас другой планетой.) Они говорят: «Как Иудифь отрубила голову Олоферну, так будет повержена безбожная коммунистическая система». После суда этого Стельмаха из Ягодного как ветром сдуло.

Вторым лжесвидетелем был Николай Цецура. Он выдавал себя за православного священника, иногда ходил по поселку в рясе. Работал стекольщиком в Ягоднинском стройуправлении. Часто был нетрезвый. Как-то стою в регистратуре (работала медсестрой в поликлинике), заходит врач-отоларинголог Галина Дмитриевна Зинченко и говорит: «Кто хочет послушать, как Николай Цецура матерится, зайдите в мой кабинет». Он пришел на прием по поводу простудного заболевания и рассказывал, какие сквозняки у него на работе.

Как священника его всерьез не принимали. Баба Дуня, одинокая православная старушка с Заводской улицы, говорила, сильно шепелявя: «Туфтовый поп, туфтовый». Она пользовалась авторитетом в поселке, каждый старался, чем мог, облегчить ее участь. Пенсии у нее не было (колхозный и лагерный стаж не считался). Кто мешок угля подбросит, кто комбикорм

Сергей

31.10.2020 в 9:26 пп

“…один из заключенных наклонился ко мне, улыбнулся и протянул большой букет Иван-чая, аккуратно завязанный и подрезанный…”
Может, Вы собой напоминали ему о своей дочке или о мечте иметь дочку …

Марина

09.02.2021 в 7:11 дп

С огромным удовольствием прочла Вашу статью. И как верно Вы написали – мы, дети, рождённые на Колыме, просто росли и были счастливы, не осознавая, что пришлось пережить людям в этом краю. Я родилась в Эльгене, здесь же родилась моя мама. В свое время дедушку сослали сюда, в дальнейшем реабилитировали, но он так и остался в этих краях. И, действительно, как многого мы не знали… По крупице узнавали и о женском лагере, и о том, что многие взрослые – хорошие, уважаемые люди, здесь когда-то сидели… Много ещё можно написать… Спасибо Вам, что не забываете и не даёте забыть другим.

Александр

08.01.2022 в 2:15 дп

Верно описана история посёлка. Ужас в том, что мы рождены там где смерть заглядывала в окна, а спасало нас тепло ЗК людей, как морально так и

физически. Приезжие на пмж или на заработках в артелях, люди сходили с ума от доброты себе подобных в познании молчаливой правды своего сознания знали и те кто понял через учения и приняли смирения, что без ближнего нет судьбы и жизни вот на этом и строились отношения людей колымы. Суд
Колыма, холод за стеной барачной, вселяет ужас смерти ледяной, от боли той, что бьёт больнее палки, чужие руки дающие тепло. Искорёженные судьбы людей, по сути уникальная школа взаимовыручки , где изначально самый добрый уже выживет, а дающий будет вознаграждён.

Юлия

22.02.2022 в 8:45 пп

Во многих статьях, публикациях о Ягодном обязательно рассказывают о Доме Культуры в посёлке.Что он и сегодня является самым красивым Домом культуры на Колыме.Строили в те времена на века, вкладывая душу , честно работая, искренне любя Родину.Мой дед Савилов Алексей Андреевич , выпускник МИСИ, был руководителем Строительного управления, которое строило и сдавало этот Дом культуры.У моей мамы даже где-то статья колымский газеты была про деда.Мама моя Савилова Нинель Алексеевна окончила школу в Ягодным в 1955.До сих пор вспоминает Ягодное, людей, с которыми её свела жизнь, там, школу, учителей.И как заключённые , уважая её отца, ставили под дверь их дома полные ведра ягод.Что все закончившие в Ягодном, школу, в том числе, и дети ссыльных, пользовались правом внеконкурсного поступления в любой вуз.Деда давно нет в живых, но детище его будет стоять ещё долгие годы, как память о нём -Савилове Алексее Андреевиче.
